«Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане[1]

О.П. Фадеева, В.И. Нефёдкин

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru.

Владимир Иванович Нефёдкин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: vladnn57@gmail.com.

В статье освещается широкий круг проблем, связанных с функционированием и развитием сельских поселений в условиях перманентного сокращения полномочий и финансовой самостоятельности органов местного самоуправления. На основе материалов, полученных в ходе социологической экспедиции в пяти муниципальных районах Республики Татарстан, показано, что политика региональных и муниципальных властей, направленная на развитие практик самоорганизации населения, позволяет отчасти компенсировать негативные последствия унитарных тенденций и расширяет возможности сельского развития. Рассмотрены причины относительных неудач попыток региональной власти сформировать крупные вертикально интегрированные агрохолдинги в Татарстане. Проанализированы особенности участия крупных предприятий — бывших совхозов и колхозов — в жизнеобеспечении и развитии сельских поселений. Это участие характеризуется как совокупность реципрокных, патрон-клиентских и рыночных взаимодействий, соотношение между которыми варьируется в зависимости от специфического локального исторического и этнокультурного контекста. Сделан вывод о том, что система сельского самоуправления даже в неблагоприятных внешних условиях способна инициировать самоорганизацию локальных сообществ и выполнять функции института развития. Показано, что многообразие хозяйственных и социальных практик, основанное на этнокультурных и конфессиональных детерминантах, способствует накоплению символического, социального, культурного капиталов сельских сообществ и их конвертации в экономический капитал, активизирует сельско-городские обмены, компенсирующие ограниченность ресурсов сельского развития.

Ключевые слова: Татарстан, сельское поселение, локальная практика, самоорганизация, самоуправление, дирижизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114

На протяжении последних 15 лет, считая с принятия в 2003 году Федерального закона № 131 «Об общих принципах организа-

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464-ОГН).

ции местного самоуправления в Российской Федерации» (131-ФЗ от 06.10.2003), условия, в которых существуют органы местного самоуправления, перманентно менялись. За эти годы было принято порядка 130 законов, касающихся принципов и структуры административных и финансовых взаимоотношений между разными уровнями муниципальной и государственной власти, порядка избрания представителей законодательных и исполнительных органов на местах и правил принятия решений об укрупнении муниципальных образований (Маркварт, 2016; Сумская, 2016). Эти изменения в конечном счете привели к тому, что институт местного самоуправления лишился ключевых атрибутов — самостоятельности и финансовой независимости. По сути дела, произошло огосударствление муниципальной власти, а ресурсы и полномочия, связанные с социальным и экономическим развитием, перераспределились от низовых сельских администраций к муниципальным районам и субъектам Федерации. Сокращение числа полномочий и ослабление бюджетного обеспечения работы сельских администраций драматически снизило возможности своевременного и эффективного решения вопросов местного значения. По сути дела, вместо денег и реальной власти в распоряжении глав сельских поселений остались только их собственные харизма и авторитет.

В качестве противовеса общей тенденции к централизации управления и перераспределению властных полномочий и финансовых потоков в пользу верхних уровней административной пирамиды в российских регионах можно обнаружить своеобразные компенсационные механизмы, позволяющие если и не элиминировать эту тенденцию, то отчасти компенсировать ее издержки, особенно заметные на ближайшем к земле и к реальной жизни уровне управления — в сельских поселениях. Изменения формальных правил (законов), как это часто бывает, порождают к жизни новые локальные, в том числе неформальные практики. Если общий объем ресурсов сокращается, а решения об их распределении принимаются на все более высоком уровне, это, как правило, приводит к тому, что эти ресурсы либо вообще не доходят до нижнего уровня, либо выделяются не на те проекты, которые представляются наиболее актуальными при взгляде «снизу». Усилия власти в данном случае направлены прежде всего на поддержку уже существующих систем жизнеобеспечения села. В последнюю очередь финансирование сверху доходит до проектов развития инфраструктуры и благоустройства сельских поселений, если, конечно, они не попадают в какую-нибудь федеральную программу.

Наши наблюдения показывают, что включение горизонтальных связей и механизмов самоорганизации в ряде случаев позволяет находить ресурсы для проектов, находящихся на периферии внимания федерального и регионального уровней власти. Одним из примеров разумного сочетания вертикальных и горизонтальных механизмов сельского развития, на наш взгляд, может служить региональная

(сельская) политика, реализуемая в Татарстане, где новации в системе управления, генерируемые на федеральном уровне, частично амортизируются сложившимися в татарстанских селах практиками самоорганизации, и прежде всего деятельным участием сельских сообществ в обустройстве территорий, умением глав сельских администраций эффективно взаимодействовать с местным бизнесом и религиозными общинами.

Республика Татарстан (РТ) входит в число ведущих производителей продовольствия России и отличается высоким уровнем развития сельских территорий. Было бы упрощением находить причины этих успехов только в природно-географических и экономических факторах — республика относится к числу регионов, имеющих доступ к эффективным природным ресурсам, прежде всего к нефти, обладает мощным промышленным потенциалом и развитой инфраструктурой. Татарстан является одним из немногих субъектов Федерации, не зависящих от дотаций из федерального бюджета. Это, безусловно, расширяет возможности проведения самостоятельной «региональной» политики. Однако не в меньшей степени относительное благополучие региона связано с социо- и этнокультурными факторами (Хакимов, 2016) и сознательно проводимой политикой встраивания местных традиций в современные инструменты управления и практики солидарного поведения.

Наиболее ярко черты подобной политики проявляются в системах местного управления и самоорганизации граждан, исследованных нами в пяти муниципальных районах Татарстана (Алексеевский, Атнинский, Дрожжановский, Елабужский, Мамадышский). Интервью с главами и специалистами администраций сельских поселений, владельцами фермерских и личных подсобных хозяйств (ЛПХ), руководителями сельскохозяйственных и промышленных предприятий, образовательных и культурных учреждений (в т. ч. музеев и домов культуры), имамами сельских мечетей и настоятелями православных храмов[2] позволили сформировать массив наблюдений, позволяющий, на наш взгляд, не только отобразить многообразие локальных практик, но и сделать определенные обобщения.

Для характеристики политики, проводимой органами власти и местного самоуправления в сельском Татарстане, мы будем использовать термин «дирижизм» (фр. dirigisme), которым принято

2. В социологической экспедиции, проведенной летом 2017 года, принимали участие сотрудники Института экономики и ОПП СО РАН (к.с.н. О.П. Фадеева и к.э.н. В.И. Нефёдкин) и Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (д.и.н. Г.Ф. Габдрахманова и к.с.н. Э.А. Сагдиева). Для организации исследования использовались возможности системы «Электронное Правительство Татарстана», которое позволило оперативно решить вопросы выборки и создать благоприятные условия для работы. Первые результаты исследования см.: (Фадеева, Нефёдкин, 2018).

обозначать политику государственного вмешательства в управление экономикой, активно применяемую в середине 1940-х во Франции. Она основана на предложенных французским экономистом Ф. Перру принципах индикативного (рекомендательного) государственного планирования в «привилегированных точках экономики». Применение этих принципов позволило создать в стране большой сектор государственной экономики, включающий в себя отдельные отрасли промышленности и крупные кредитно-финансовые учреждения. Чтобы понять, как реально устроен процесс управления сельским развитием в обследованных нами районах Татарстана, мы делали акцент не на общие правила, устанавливаемые государством, а прежде всего — на совокупность разных политик и проводящих их акторов (региональных и локальных дирижеров), которые действуют и при этом соперничают, конфликтуют и договариваются между собой на относительно небольшой и компактной территории и, сообразуясь каждый со своей «картиной мира», вносят свой вклад в ее развитие. В нашем представлении «региональный (локальный) дирижизм» — это система организации сельских сообществ для совместных действий и решения общих проблем, основанная прежде всего на локальной (в т.ч. неформальной) иерархии и механизмах горизонтальной координации. В эту систему встроены и взаимодействуют между собой:

— региональная вертикаль власти, в которой существенную роль может играть личное знакомство и неформальные отношения с высшими должностными лицами РТ;

— районная вертикаль власти, проявляющаяся в связке глав муниципальных районов и глав сельских поселений;

— бизнес-структуры, в разной степени экономически и социально укорененные на территории;

— институты землячества и спонсорства;

— религиозные общины.

Ресурсы местной самоорганизации

Татарстанские села отличает высокий уровень благоустройства. Проведенная в «тучные» 2000-е сплошная газификация поселений, кардинальное переустройство технической инфраструктуры (водо- и теплоснабжение, федеральные и региональные трассы), создание сети хорошо оборудованных фельдшерско-акушерских пунктов приблизили жизнь селян к городским стандартам. В то же время модернизация инфраструктуры обусловила рост затрат на ее эксплуатацию. Однако новый виток муниципальных реформ и начавшийся в середине 2010-х годов тренд на снижение бюджетной обеспеченности сельских поселений (Моляренко, 2016; Фадеева, 2016) поставили глав сельских администраций в очень сложное положение. Денег стало не хватать не только на текущие расхо-

ды[3], но и на ремонт коммуникаций, строительство внутрипоселковых дорог, создание детских и спортивных площадок и др. В этой ситуации региональные власти взяли на вооружение практику самообложения населения, которая позволила получить дополнительный источник финансирования (Стародубровская, Миронова, 2010). Согласно ФЗ-131, для решения насущных проблем развития территорий жители могут организовать референдум, определить цели и проголосовать за порядок сбора средств. Программа самообложения действует в Татарстане с 2013 года, при этом республика — единственный регион в России, где подобные референдумы проходят в массовом порядке. Чтобы инициатива граждан стала более эффективной, на каждый собранный по итогам местных плебисцитов рубль республиканский бюджет выплачивает 4 рубля, что позволяет собирать суммы, сопоставимые с годовым бюджетом отдельных поселений. Величина взносов, которыми облагается каждый житель в трудоспособном возрасте, в обследованных нами селах варьировалась от 300 до 1000 руб. в год. Против этих сборов выступали в основном зарегистрированные, но постоянно не проживающие в этих селах граждане, однако доля таких «отказников», по оценкам глав поселений, не превышала 1–2% от числа жителей.

Важно отметить, что подобная самоорганизация зиждется на высокой дисциплинированности сельских жителей, не привыкших возражать власти и откликающихся на инициативы местных администраций. Главными вдохновителями и организаторами сельских сходов являются руководители муниципальных образований, от которых, в свою очередь, подобную активность требует вышестоящий уровень: «*Среди населения идет большая разъяснительная работа. Мы показываем на цифрах, что в прошлом году на эти деньги было сделано. Ведь люди хотят хорошо жить. На сходе все обсуждается. Каждой деревней отдельно собираемся. У каждой деревни есть свои мнения*». В зону ответственности глав администраций входит не только выбор объектов для финансирования (как правило, это внутрипоселковые дороги, уличное освещение, обустройство кладбищ и пр.), которые будут выноситься на голосование, но и побуждение жителей к тому, чтобы вложиться в общее дело[4]. Не будет большим преувеличением сказать, что практики самообложения, пусть и инициированные сверху, не-

3. Так, в 2017 г. доходы местных бюджетов обследованных поселений в расчете на одного жителя составили от 2,4 до 3 тыс. руб., основные расходы ушли на содержание административного аппарата и текущее содержание/уборку территории.

4. *«С каждого жителя старше 18 лет мы собираем по 1000 рублей в год. В 2016 г. собрали 1 млн 112 тыс. руб., порядка 4,5 млн руб. дала республика. Всего получилось 5 млн 560 тыс. руб. В двух селах проложили щебеночные дороги, их там вообще не было. В другом селе проложили новые водопроводные трубы — для чистой воды. Не во всей деревне, а только*

сут в себе зачатки самоорганизующегося гражданского общества. Жители не просто голосуют за желаемый облик села, но и, будучи соинвесторами, отслеживают порядок расходования денег и качество выполняемых работ. В связи с этим растет коллективная ответственность селян за качество среды обитания, а локальная самоидентификация приобретает новые важные грани.

Местные инициативы в сельской местности Татарстана были бы невозможны без привлечения «бюджетников» (учителей, врачей, работников домов культуры и детсадов, сотрудников сельских администраций) в качестве волонтеров, отвечающих за информирование жителей о том, какие общие мероприятия готовятся в селе (речь прежде всего идет о многочисленных субботниках по уборке территорий, сельских сходах, выборах и рейдах противопожарной безопасности) и кто должен в них участвовать. Здесь мы наблюдаем классические «патрон-клиентские» взаимоотношения. Работники бюджетных учреждений выступают в качестве помощников сельских администраций, действующие зачастую на «добровольно-принудительных» началах, являются «приводным ремнем» упорядоченной самоорганизации, идеи которой изначально инициируются сверху, но растолковываются и доводятся до «масс трудящихся» снизу, через увещевания и просьбы назначенных на эти роли «агитаторов и проводников»[5]. Не обходятся без помощи «бюджетников» и сохранившиеся в селах сельскохозяйственные предприятия, возрождающие советские практики «вмененных» сельскохозяйственных работ: «*Вокруг села есть неудобья, где техника не может косить траву. Нужен ручной труд. Учителя помогают, косят*».

Заметную роль в обустройстве и развитии села играют люди, проживающие в других регионах, в том числе и в крупных городах, но не теряющие связь с родовым гнездом и поддерживающие не только своих родственников, сохранивших сельскую прописку, но и село. Важно, что эта связь передается через несколько поколений. Спонсоры могут быть горожанами по месту рождения, но при этом продолжать помогать селу, выходцами из которого являются их предки. Важную роль в сохранении села играет и национальная традиция, в соответствии с которой младший из сыновей остается в селе и проживает совместно с родителями, получает по наследству семейное хозяйство и поддерживает связи с членами семьи, покинувшими коренное село.

в части улицы... Вы заметили, что дороги у нас в идеальном состоянии? Вот сейчас идет ямочный ремонт, тоже за счет самообложения».

5. Из интервью с главой сельской администрации: *«У нас есть своя сельская группа, в которую входят руководители всех организаций. Я сразу пишу объявление: такого-то числа будут собирать мусор. У всех у нас (разных руководителей) есть агитаторы, которые занимаются оповещением и осведомлением по домам. Они быстренько со всеми созваниваются. Обычно это школьные учителя и работники детских садов. Это наша интеллигенция».*

Во многом эти практики имеют религиозную (исламскую) подоплеку. В частности, правила «закята» предписывают выплату ежегодного налога в пользу нуждающихся единоверцев дееспособными и обеспеченными мусульманами. Зримое участие земляков-меценатов проявляется в строительстве в селах мечетей (в большинстве сел с преимущественно татарским населением, где мы побывали, действует не одна, а несколько мечетей) и обустройстве других сакральных мест (родников, кладбищ), за которыми, как правило, следят местные религиозные общины. Также земляки, чьи имена в селах называют с большим уважением, финансируют не вписывающиеся в скудную бюджетную смету затраты на строительство и ремонт социальных объектов, выступают спонсорами мероприятий, объединяющих сельские сообщества: «*В соседнем селе предприниматель из Казани мечеть строит, достраивает уже. Его дед здесь проживал, родители здесь родились. Родники в селе также делают меценаты*»; «*Наш земляк памятник сделал к 70-летию Победы, а вот в этом году медпункт построил в небольшом селе, где отдельный ФАП не положен. Другой предприниматель детскую площадку сделал*». Организующую роль сельских мечетей в жизни татарских сел сложно переоценить. Они выполняют социальные и воспитательные функции, привлекают спонсорские средства, которые затем направляются для поддержания порядка в общественных местах: «*Мечеть существует за счет спонсоров. Хотя это не новое здание, но там все газифицировано, порядок есть порядок. Мулла ездит по домам на определенные обряды. Мечеть назначает на кладбище ответственного человека, который ухаживает за территорией, должен показать, где хоронить (за землю под могилы у нас деньги не берут), за порядком он следит, убирается. Многих выходцев из нашего села привозят к нам хоронить из разных городов*».

Институт благотворительности и землячества является одним из ведущих механизмов формирования этнической идентичности татар (Габдрахманова, 2016) и других народов, проживающих на территории Татарстана. В его основе лежат традиции почитания земли предков, интерес людей к своим родословным, возрождение религиозных практик. Связи с малой родиной укрепляются через праздничные и памятные мероприятия, куда собираются гости с разных уголков республики и России в целом[6]. Особую роль в сохранении исторической памяти играют действующие почти во всех крупных селах краеведческие, в первую очередь школьные музеи, где помимо археологических артефактов хранятся свидетель-

6. *«Выходцы из села сюда приезжают, в том числе чтобы захоронения своих родных навестить. Они с местным населением разговаривают, тут общение живое идет. Понимаете, у них есть сильное чувство патриотизма: “Я же из этой местности, из этого края, какой-то я должен здесь след оставить!”»*

ства новейшей истории из жизни видных земляков, прославивших на разных поприщах не только свое имя, но и место рождения. Через многообразие хозяйственных и культурных практик, которые мы наблюдали в ходе экспедиции, происходит накопление символического, социального, культурного капиталов сельских сообществ и их конвертация в экономический капитал, активизируются сельско-городские обмены, компенсирующие ограниченность ресурсов сельского развития.

Хозяйственный суверенитет: протекционизм и невидимое сопротивление

Существенным компонентом системы сельской самоорганизации в Татарстане является хозяйственный суверенитет сельскохозяйственных предприятий, переживших экономические реформы и уже в новой реальности воспроизводящих «коллективистский порядок» и «патерналистский дух» взаимоотношений прежних крупных хозяйств с местными сообществами. Примечательно, что эти предприятия, которые давно приватизированы, местные жители продолжают именовать колхозами или совхозами. И это не случайно. В ряде обследованных нами сел не только сохранились, но и упрочили свои экономические позиции экс-колхозы и совхозы, собственники которых не торопятся жить исключительно по «законам капитализма» и максимизации прибыли[7], сокращать расходы на социальные проекты[8] и отворачиваться от нужд сельских поселений[9]. Помимо социальных функций и поддержки, а то и полного содержания объектов местной инфраструктуры руководство «своих» предприятий оказывает большую помощь местным религиозным общинам. На излете советской власти именно руководители

7. *«Для работающих в колхозе зерно, сено для ведения ЛПХ отпускаются по минимальной цене, выделяемых кормов хватает, чтобы одна семья могла держать даже 15 коров»; «Колхоз школе бесплатное молоко дает, бесплатное мясо дает. Сейчас в месяц школе дают 30 кг мяса бесплатно. То мясо, что государство выделяет, совсем другого качества — гораздо хуже, сами знаете...»*
8. *«Клуб в селе планировался на 80 мест, но руководитель колхоза помог — добавил 11 млн руб., и клуб построили на 240 мест».*
9. *«Каждый день в 5.30 утра проходит планерка в правлении колхоза, в которой участвует и глава сельской администрации. Работники и жители села, у кого есть проблемы или пожелания, приходят на эту планерку. В это время заходите к руководителю, он со специалистами все решит. У нас все вместе»; «Проведение Сабантуя, поддержка участия молодежи в спортивных соревнованиях в районном и в республиканском масштабе, награждения, материальная помощь сельским жителям — во всем колхоз помогает. Мы празднуем День пожилых людей, День матери — всем селом собираемся в школе, артистов вызываем и подарки каждому раздаем».*

сельхозпредприятий стали первыми возрождать мечети, рискуя получить взыскания по партийной линии или потерять работу[10]. Они и сегодня продолжают эту поддержку, выделяя мечетям средства на покрытие их расходов и проведение религиозных праздников.

Отношения крупного предприятия и сельского сообщества в сельских районах республики нельзя описать при помощи затертого пропагандистского штампа «социально ответственного бизнеса». На академическом языке они представляют собой смесь реципрокных, патрон-клиентских и рыночных взаимодействий, соотношение между компонентами которой может сильно варьироваться в зависимости от особенностей района и даже отдельного поселения, специфического локального исторического и этнокультурного контекста. Так, сельхозпредприятие может выступить спонсором праздничного мероприятия, оказать сельсовету услуги в рамках неформальных договоренностей, например, бесплатно выделить технику для уборки снега или выполнить подрядные работы за счет бюджетных средств в пределах максимальной суммы, допускаемой в договорах, заключаемых без конкурсов, и т. п.

В татарстанских селах принято с почтением относиться к представителям местной и региональной власти. Здесь укоренены принципы единоначалия и лояльности исполнителей. Эти традиции, конечно, имеют свои издержки и неоднозначные социальные последствия, но в целом они работают на «местный хозяйственный патриотизм», который препятствует наступлению крупного капитала в лице федеральных и региональных агрохолдингов. Руководители и менеджеры последних, как правило, слабо владеют локальным контекстом, игнорируют местные интересы, не всегда готовы искать компромиссы и сообща с органами самоуправления заботиться о решении местных проблем. Они не хотят брать на себя заботы населения прежде всего по снабжению кормами ЛПХ, роль которых в сельском Татарстане весьма существенна. В противовес этой позиции местные сельхозпредприятия заинтересованы в том, чтобы их работники и земельные дольщики (т. е. владельцы земли, которые сдаются сельхозпроизводителям в аренду) развивали свой семейный бизнес — производили молоко, мясо, овощи на своих подворьях. Здесь сохранился ресурсный симбиоз ЛПХ и крупного хозяйства (Фадеева, 2003), позволяющий последнему закреплять у себя работников и брать на себя часть их забот — закупать производимую в семейных хозяйствах продукцию, поставлять сено, зерно и молодняк (в качестве арендной платы за землю, натуроплаты или продажи на льготных условиях), тем самым еще больше при-

10. Из интервью с руководителем предприятия: *«Я первую мечеть в селе строил, это было где-то в 1990 году. Тогда партия была, чуть меня не наказали. Народ тоже помогал, но на 70–80% колхоз все обеспечивал. И сейчас всегда мы помогаем мечети, когда они к нам обращаются».*

вязывая (подчиняя) их себе, стимулируя к усердию и дисциплине на основных рабочих местах.

Местным предприятиям и тем более небольшим фермерским хозяйствам крайне сложно конкурировать с крупными производителями, арендующими или скупающими земли соседних хозяйств, не имея серьезной поддержки во властных кругах на республиканском уровне. Не всегда такую поддержку удается найти. Как сообщали наши респонденты, особое сожаление у них вызывают случаи, когда еще недавно брошенные и возвращенные их усилиями в хозяйственный оборот земли достаются внешним инвесторам. По мнению «колхозных председателей» и фермеров, в планы этих «варягов» не входит полноценная работа на земле — крупные компании стремятся лишь закрепить за собой большие массивы и точечно их осваивать. Имеющийся в некоторых районах дефицит земли становится поводом для противоборства местных (укорененных) производителей и крупных землепользователей, имеющих земельные участки в нескольких районах. В этом случае интересы местного сообщества и крупного (республиканского) бизнеса могут сталкиваться между собой и служить причиной конфликтов.

К числу других болезненных тем, связанных с экспансией крупных компаний, выстроивших свой бизнес от «поля до прилавка», относится монополизация локальных мощностей переработки и вытеснения независимых производителей с рынков сбыта. Так, в одном из обследованных нами районов, по сути, единственным, кто смог дать отпор внешним инвесторам, оказался опытный и пользующийся авторитетом на самом верху руководитель предприятия, в котором обрабатывается 6000 га земли и содержится 2600 голов КРС, в т.ч. 750 дойных коров. В середине 2000-х предприятие устояло под натиском могущественного холдинга «ВАМИН-Татарстан», лишившись, правда, возможности сдавать свое молоко на переработку в райцентр: «*В районе молокозавод был. Когда «ВАМИН» здесь был, его уничтожили*». В результате плечо доставки молока значительно возросло — его стали возить в Казань за 200 км. Схожие трудности предприятие испытывает и с реализацией другой своей доходной продукции — сахарной свеклы. Дело в том, что единственный сахарный завод, расположенный поблизости, принадлежит АО «Холдинговая компания «Ак Барс», в структуру которого на территории Республики Татарстан входят 14 хозяйств, а суммарная площадь пашни составляет более 300 тыс. га[11]. Оценивая экономические перспективы, директор больше пережи-

11. Сайт компании информирует, что «ежегодно на полях холдинга «Ак Барс» выращивается более 600 тысяч тонн зерна, более 15 тысяч тонн картофеля и более 500 тысяч тонн сахарной свеклы, в хозяйствах производится более 11 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота и более 15 тонн мяса свинины, около 115 тысяч тонн молока, более 57 тысяч тонн мяса птицы, 600 миллионов штук яиц, что по объемам производства сопоставимо с продукцией,

вает не за техническое перевооружение производства (эта проблема решена), а за то, что он теряет доходы на сбыте, так как производящий сахар завод сначала принимает сырье от предприятий холдинга, а затем — по остаточному принципу — закупает свеклу у тех, кто в холдинг не входит: «*Мы уже привыкли к тому, что вся техника у нас импортная, у нас все есть. Единственная проблема, как реализовать. Тем более сейчас сахарный завод в Буинске относится к «Ак Барсу». Здесь у нас почти 60% земли относится к «Ак Барсу», в соседних районах — и все 100%. Так как наше хозяйство самостоятельное, нам трудно приходится. Для нас цены закупочные завод не занижает. Но мы начинаем уборку в сентябре и еле-еле до Нового года заканчиваем. Просто все это время свекла лежит в поле, теряет вес, теряет в качестве*». Предприятие, по словам директора, постоянно отбивается от притязаний сменяющих друг друга «инвесторов-захватчиков». Поэтому с недавних пор он начал задумываться о выкупе хотя бы части земли дольщиков, чтобы не только обезопасить свое производство, но и сохранить уклад села: «*Когда приходят инвесторы, они начинают совращать людей: "Давайте нам землю, будем лучше вам условия аренды предоставлять". А сами начинают скупать землю... У нас население очень много держит скота, и в колхозе его много. Мы обрабатываем где-то 7% пашни района, но даем при этом от 35 до 40% продукции. Потому что когда в колхозе есть корма, люди работают, условия для ведения ЛПХ есть. Кормами мы население полностью обеспечиваем*». Если земля уйдет из-под контроля предприятия, подобному симбиозу придет конец.

С точки зрения понимания специфики формирования крупного регионального агробизнеса весьма показательна история «жизни и смерти» главной молочной империи республики — «ВАМИН-Татарстан». Этот холдинг был создан, как подчеркивал министр сельского хозяйства и продовольствия РТ, на базе крупнейших перерабатывающих предприятий «по просьбе президента РТ и глав районов» в 2000-х годах для спасения сельхозпредприятий-банкротов в 13 районах республики. Новый агрохолдинг объединил под своим началом 27 агрофермы на площади 450 тыс. га. Руководители Татарстана посчитали, что преодолению кризиса в сфере АПК может помочь создание крупных вертикально интегрированных агрохолдингов, в которых центрами прибыли могли бы стать переработчики сельскохозяйственного сырья, взявшие на себя также ответственность за организацию производства и техническое оснащение предприятий, стоящих в самом начале производственной цепочки. За годы своего существования холдинг провел реконструкцию почти 200 животноводческих ферм и объектов на 140 тысяч

производимой отдельными регионами Российской Федерации». [Электронный ресурс] http://www.abh.ru/index.php?page=static_page&DocID=95

голов крупного рогатого скота, в том числе 44 тысячи дойных коров, занял пятую часть республиканского рынка молочной продукции. Параллельно были модернизированы 28 молочных комбинатов, реконструированы 10 хлебоприемных предприятий и ряд других технических сервисных предприятий. Численность персонала группы превышала 20 тыс. человек, из которых 80% были заняты в сельском хозяйстве. Однако руководство «ВАМИНа» не справилось с организацией масштабной хозяйственной деятельности. Общество вложило в свое развитие 37 млрд руб., половину которых составляли банковские кредиты, а значительная их часть была выдана под личное поручительство руководителя холдинга. Когда кредиторская задолженность достигла 19 млрд рублей, у «ВАМИНа» начались проблемы с обслуживанием кредитов, появилась просроченная задолженность. В октябре 2012 года банком ВТБ было инициировано введение внешнего наблюдения. Процесс ликвидации «ВАМИНа» и банкротства его основателя (как физического лица) длился более трех лет и завершился в 2016 года. В эти годы между татарстанскими компаниями и компаниями из соседних регионов развернулась борьба за наиболее лакомые активы холдинга, в первую очередь — за перерабатывающие мощности (молочные и сыродельные комбинаты). Сельхозпредприятия, входившие в состав «ВАМИНа», и обрабатываемые ими земли перешли в руки других крупных республиканских инвесторов. Однако неудача молочного холдинга не поколебала веру региональных властей в эффективность модели вертикальной интеграции в сельском хозяйстве. Возобладало мнение, что нужно лишь уменьшить масштабы такой интеграции, разделив большой холдинг на несколько более мелких. При этом самостоятельные предприятия внутри отдельных районов не рассматривались как серьезные претенденты на высвобождающиеся земли и перерабатывающие мощности. Из выступления министра сельского хозяйства и продовольствия РТ: «Как показала жизнь, холдинг оказался излишне крупным... Расчеты специалистов показывают, что оптимальная величина агрохолдингов — максимум 150 тыс. га и радиусом не более 100 км... Поэтому хотелось бы на базе «ВАМИН-Татарстан» увидеть вертикально интегрированные и оперативно управляемые структуры. Хотя я и не исключаю возможности развития агроферм в границах муниципальных районов»[12].

Как мы уже отмечали, присутствие общероссийских и тем более зарубежных холдингов в обследованных нами районах РТ незаметно. Отчасти это связано с тем, что сильные, обладающие непререкаемым авторитетом и мощным административным ресурсом главы районов в той или иной мере препятствовали приходу республиканских крупных аграрных компаний («ВАМИН», «Ак

12. Жизнь и смерть «молочной империи»: версия главы Минсельхоза Татарстана. 28.03.2013. [Электронный ресурс] https://www.business-gazeta.ru/article/77600

Барс», «Красный Восток» и др.) и лоббировали поддержку местных сельскохозяйственных предприятий. В данном случае речь не идет об экономической конкуренции — при необходимости руководители районов прибегают к административному ресурсу[13]. Активное лоббирование в республиканской вертикали интересов местных производителей позволяет не только удержать их на плаву, но и добиваться их участия в региональных программах технико-технологического обновления, роста производства и создания новых рабочих мест. Такие главы не боятся публично выражать свое несогласие с проводимой федеральными властями аграрной политикой, ухудшающей условия хозяйствования местным производителям, и призывать республиканские власти к принятию защитных (протекционистских) мер. В некоторых обследованных нами районах (опять же под эгидой районного руководства) предпринимаются попытки координации деятельности сельских администраций через создание своего рода неформальных экономических зон, объединяющих несколько соседних муниципалитетов под руководством наиболее успешного и авторитетного главы поселения. Среди декларируемых целей функционирования такого рода зон — обмен опытом, выработка общих решений, совместная хозяйственная и культурно-спортивная деятельность с привлечением разных ресурсов и преодолением административных барьеров[14]. По сути, это модель сельского развития, сходная с той, что используется при формировании городских агломераций. Но есть и существенные различия. В модели городской агломерации изначально присутствует фактор неравенства — назначенные центром «точки роста» на своих условиях втягивают в орбиту своего влияния близлежащие населенные пункты, в чьих ресурсах (прежде всего «дешевой» земле и рабочих руках) они нуждаются. В сельской агломерации мы наблюдаем попытки преодолеть асимметричность известной модели «центр–периферия» и сопутствующей ей деградации периферийных территорий, предоставив равные шансы развития разным по уровню развития муниципальным образованиям.

---

13. *«Когда по всей России и по всему Татарстану бартерная система пошла, у нашего главы района все списки коров, телят, бычков на столе лежали. Когда в предприятиях хотели резать скот и сдавать мясо, у него разрешение спрашивали. Самое главное было — сохранить стадо. С кем глава только не боролся, но никого из агрохолдингов сюда не пустил... У нас глава района жесткий. Спасибо ему за то, что он сельское хозяйство сохранил, колхозы сохранил. Он с 1989 года районом руководит».*
14. *«У нас глава района — очень креативный, придумщик. У нас район большой: было 33 поселения, сейчас после укрупнения осталось 28. И для того чтобы все это контролировать, он решил поделить район на 5 зон. Поделил и назначил старших по каждой зоне. Любой вопрос в своей экономической зоне мы решаем сообща: и все, что связано с частным стадом населения, и с праздниками, и с проведением Сабантуя, мы делаем вместе в своей экономической зоне».*

Существуют и объективные причины весьма скромных в сравнении с другими регионами России масштабов развития крупного агробизнеса в Татарстане. Ограниченность земельных ресурсов и традиционная для сельского Татарстана ориентация на небольшие индивидуальные формы хозяйствования затруднили приход внешнего капитала и создание крупных предприятий, способных устойчиво и рентабельно работать без существенной государственной поддержки. Не последнюю роль, на наш взгляд, сыграли и ментальные факторы. Прежде всего — нежелание допускать внешних инвесторов на «свою» территорию.

Важными особенностями региональной вертикали власти являются ее компактность и повышенная значимость личных отношений. Формальная иерархия зачастую отступает на второй план. Президент РТ может быть знаком не только с главами всех районов, но и со многими представителями местной элиты — руководителями компаний, отдельными главами низовых сельских администраций. По этой же причине «ручное управление» в РТ гораздо более действенно, чем в масштабах страны, так как звенья административной сети не столь многочисленны. Проблемные ситуации можно разрешать в оперативном режиме во время регулярных выездов президента РТ в районы, в ходе которых он проводит множество встреч и узнает мнение доверенных лиц. Сложившийся в республике институт посредничества как элемент патрон-клиентских отношений между представителями разных уровней власти зачастую работает на преодоление неразрешимых «снизу» проблем. В селах нам не раз говорили, что ждут решения тех или иных вопросов в скором будущем (например, проведение дорогостоящей реставрации старинной мечети), так как президент РТ «в курсе дела». Многие из реализуемых в республике программ позиционируются как «президентские», что с учетом местного менталитета воспринимается как знак личного внимания первого лица республики к нуждам отдельно взятого населенного пункта[15]. В качестве примера такой модели взаимоотношений можно привести действия одного уже упомянутого руководителя сельхозпредприятий, который не раз добивался личных встреч с президентом РТ во время его поездок по сельским территориям и успешно лоббировал не только интересы своего предприятия, но и села в целом[16].

---

15. *«Начали в этом году по республиканской президентской программе строить многофункциональный центр. Под одной крышей будет начальная школа, сад, ФАП, клуб... В прошлом году выпрямление русла реки по ширине сделали, тоже благодаря Президенту РТ. У нас проблема затопления была в весенне-осенний период... Это у нас детский лагерь районного масштаба. Дети со всего района приезжают отдыхать сюда. В данный момент отдыхает 80 детей. Рабочий персонал — 15 человек, в т.ч. наши жители. По Президентской программе в прошлом году построили все здания, старые постройки все убрали».*
16. Из интервью с руководителем предприятия: *«В прошлом году президент в район приезжал, я у него деньги просил, чтобы сделать асфальт».*

Можно сказать, что выявленные нами подходы и управленческие практики работают на создание автономных относительно внешней среды, но при этом активно взаимодействующих в рамках локальных вертикалей устойчивых связок «район — поселение — предприятие». Однако помимо вертикальных связей на всех уровнях этой системы активно работают и горизонтальные взаимодействия, позволяющие власти и бизнесу вступать во взаимовыгодные альянсы для создания новых видов бизнеса и решения местных проблем с занятостью. В тех селах, где крупных предприятий не осталось, главы администраций сельских поселений, опираясь на свои знакомства и диаспору земляков-предпринимателей, всячески продвигают открытие новых производств, опирающихся на доступные местные ресурсы (в аграрном секторе, добыче полезных ископаемых, производстве строительных материалов и т. п.), подбирают для них подходящие места размещения и работников. Для глав это в первую очередь способ закрепить в своих селах молодежь и хотя бы немного сбить волну массового отъезда трудоспособного населения в Москву, Казань, другие города и места добычи углеводородного сырья. Это позволяет им наращивать налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов и, что не менее, а иногда и более важно, обеспечивать доступ к техническим возможностям вновь открывающихся предприятий (машинам, оборудованию). Последние можно задействовать в обслуживании инженерной и другой инфраструктуры подведомственных им населенных пунктов. Большинство сельских муниципалитетов не располагают собственной технической базой, и, чтобы уложиться в скупые бюджетные средства, выделяемые для различных нужд поселений (расчистка и ремонт дорог, обслуживание водопровода, вывоз мусора и пр.), сельские мэры осознанно окружают себя «подшефными предпринимателями», которые готовы выполнить эти работы по минимальным тарифам, согласиться с отсрочкой платежа, пойти навстречу в других вопросах и т. д.[17] Если подобные уступки бизнесу подразумева-

---

Добавляет глава сельской администрации: *«Минниханов приехал в прошлом году в одно село. Прямо на совещании к нему пробиться невозможно. Но руководитель нашего предприятия ждет, когда Президент приедет в район, и прямо его атакует. Благодаря его усилиям нам выделили 30 млн руб., около двух километров мы заложили асфальт. Мы завершили это строительство. Еще одну часть центральной улицы осталось сделать. И наш руководитель говорит, что постарается добиться еще денег. Выбить. Остальные улицы мы будем делать за счет самообложения. Этим я занимаюсь».*

17. Из интервью с главой сельской администрации об эффектах прихода инвесторов: *«Во-первых, когда жители трудоустроены, это для нас большой плюс. Во-вторых, это движение, база, техника, которую они начинают закупать, — это экскаваторы, погрузчики, КамАЗы, колесные*

ют ответные преференции (например, в вопросах выделения земли и пр.), эти сделки потенциально могут приобретать коррупционный оттенок, однако исходя из прагматических да и морально-этических позиций это отступление от правил весьма условно: во многих случаях такое поведение глав поселений, если они действительно хотят действовать на благо вверенных им поселений (а других мы не встречали), является безальтернативным. Важно, чтобы первые лица власти и бизнеса находились на одной волне (не были разделены большим числом ступеней в иерархической лестнице), т. е. имели желание и возможности для взаимообмена, слышали проблемы друг друга и были готовы идти на компромиссы ради их решения. Подобная «локализация» производства, вписываемого в местные условия, позволяет добиться не только экономических, но и политических дивидендов от возникающих в разных конфигурациях неформальных муниципально-частных партнерств. Оборотная сторона медали — появление разного рода коалиций «между своими» и формирование неконкурентной бизнес-среды.

Другой немаловажный фронт работы сельских глав связан с укреплением еще не угасших традиций семейных форм хозяйствования на земле, помноженных на трудолюбие и культивируемое (особенно в татарских поселениях) с малых лет стремление к материально обеспеченной жизни. В реализации республиканских программ по развитию мини-ферм и созданию новых фермерских хозяйств местным властям отводится роль поручителей и гарантов. Они участвуют в отборе претендентов на получение грантов и контролируют выполнение заложенных в программах условий[18], обес-

---

трактора, бульдозеры, может, еще что-то. Вот тогда с ними нам можно уже сотрудничать. У нас ведь тоже вопросов много. Раньше же все наши вопросы решало коллективное хозяйство, колхоз. А сейчас у главы сельского поселения что есть? Служебная машина и все. Зимой ведь снег надо очищать, вопросы с пожарной безопасностью решать. Вот по этим вопросам они нас поддерживают. Есть также проблемы с проведением мероприятий, нам нужна спонсорская помощь. Вот, например, Акатуй провели с их помощью. Есть еще 9 мая, есть День пожилых. Много же таких мероприятий. Один глава сельского поселения такие вопросы не может решить. Трудно. Когда совместно решаешь такие вопросы, совсем уже по-другому выходит. Инвесторы нас поддерживают. Они всегда заходят, звонят. Отношения у нас очень хорошие. При подборе кадров они с нами советуются. Они же не знают всех людей в селе, кто из них какой специалист. Мы им советуем».

18. На момент обследования каждая сельская семья могла подать заявку на финансирование строительства капитального помещения для скота под гарантии наращивания поголовья. Региональный бюджет выделял на эти цели субсидии от 100 до 200 тыс. руб. в зависимости от прибавки голов КРС на откорме (5 или 8 голов). Сопровождение этой программы было поручено главам сельских администраций: *«Эти фермы должны в течение года или полутора лет наполняться скотом... Мы выбрали только две семьи в селе, которые смогли бы освоить эти деньги и увеличить пого-*

печивают поддержку и защиту интересов владельцев ЛПХ и других жителей села. Так, в одном из районов главы администраций сельских поселений, где нет крупных предприятий, взяли на себя организацию снабжения населения сеном. Хотя эти услуги не бесплатны, но их стоимость минимальна — она включает затраты на оплату труда тракториста и солярку. Главы сами договариваются с местными фермерами о проведении такого рода работ, собирают заявки и организуют доставку сена по домам. Начало этой практики положила засуха лета 2010 года, грозившая не только погубить урожай местных предприятий и фермеров, но и оставить без кормов ЛПХ населения. Руководитель района дал распоряжение работникам сельских администраций выехать в те регионы, где можно было заготовить сено и тем самым обеспечить личные подворья жителей сел на зиму: «*Тогда у нас еще не было техники, собрали там-сям, где могли, загрузили и поехали в Кировскую область заготавливать сено. Такой засухи там не было: прошили дожди, трава была. Конечно, обошлось дорого, но мы все равно обеспечили население сеном, сохранили поголовье. В основном у нас село связано с личным подсобным хозяйством и животноводством. У нашего главы района цель — увеличить поголовье коров, а если уж коровы у людей есть, то будут расти и производство молока, и доходы населения*».

Еще один визуально заметный ресурс развития — федеральные и региональные программы строительства домов для молодых семей, модернизации сельских домов культуры, обеспечения поселений чистой водой и пр. В селах республики принято активно откликаться на подобные возможности, готовить заявки и участвовать в конкурсах.

* * *

Резюмируя, можно выделить несколько ключевых и устойчивых, на наш взгляд, практик самоорганизации, вписанных в условную модель «регионального дирижизма», сформированную нами как по результатам первых экспедиционных впечатлений, так и в ходе анализа полученных материалов (глубинных интервью). Эти практики базируются на формальных и неформальных институтах и взаимодействии множества участников.

ловье до контрольных значений. Я же свое население знаю. Некоторые люди на 200 тыс. руб. позарятся, подумают, что сарай построят, а коров держать не будут. Но программа должна работать для тех, кто может себе позволить это строительство и желает работать дальше». По оценкам наших респондентов, семьи, имевшие на своем подворье 7–10 коров, летом 2017 г. могли ежемесячно зарабатывать до 70 тыс. руб. Это обеспечивалось не только хорошей кормовой базой, но и отлаженными в татарстанских селах каналами сбыта произведенного в ЛПХ молока. К тому же власти РТ могли поддерживать высокий уровень закупочных цен, доходящих, при надлежащем качестве молока, до 24 руб. за литр.

Во-первых, это практика консолидации средств из разных источников для реализации инициатив, возникающих внутри сельских сообществ, значимую роль в которых помимо органов самоуправления играют религиозные общины, местный бизнес и участвующие в жизни села земляки-меценаты, повышают жизнеспособность и потенциал развития сельских поселений.

Во-вторых, реинкарнация «колхозного патернализма» в некоторых селах возвращает местное сельхозпредприятие на место экономического лидера («хозяина села») и главного распорядителя ресурсов (прежде всего земли), где сельской администрации (или сельсовету, как здесь их по старинке называют) отводится хотя и второстепенная[19], но очень важная роль посредника между разными ветвями власти и местным бизнесом, координатора разных интересов, в том числе и интересов жителей села.

В-третьих, на уровне муниципальных районов происходит формирование своеобразных «субвертикалей» власти, представители которых могут напрямую взаимодействовать с первыми руководителями республики и, вступая в патрон-клиентские отношения между собой, успешно лоббировать не только свои личные интересы, но и интересы доверенных им территорий и сельских поселений.

В-четвертых, благодаря разным комбинациям официальная (субординированная) система сельского самоуправления преобразуется в своего рода институт развития, становится гораздо гибче и более адаптивной к вызовам времени. Эта система способна инициировать самоорганизацию сельских сообществ и придавать ей допускаемые законом формы (например, практики самообложения). Эта система даже при неблагоприятных внешних условиях способствует появлению новых и воспроизводству старых, но согласующихся с текущим моментом форм организации сельской жизни[20] и в конечном счете решению главной задачи — сохранению, а при возможности и улучшению жизни местных сельских сообществ.

---

19. Нередко фигура главы не просто согласовывается с «колхозным председателем», а выбирается из числа специалистов хозяйства. Из интервью с главой сельской администрации: *«Я и в колхозе работал, и в сельсовете работаю — меня сюда колхоз послал... Строить надо село, сохранить его надо»*. Так как «колхоз» берет на себя немалую долю поселенческих (социальных) расходов, его руководство может диктовать свою волю сельсовету и относиться к сельской администрации как к одному из своих подразделений (филиалов).

20. Чтобы обеспечить приток молодежи на работу в хозяйстве, некоторые руководители вспомнили, как раньше решалась эта проблема — через строительство жилья и символическое вручение ключей молодым семьям. Из интервью с главой сельской администрации: *«У нас с руководством была мысль — построить улицу для молодых на колхозные деньги. Это будет жилье для молодоженов, которым на свадьбе будут вручать ключи. Потому что развиваться надо»*.

Библиография

Барсукова С.Ю. (2004). Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 9. С. 20-29.

Габдрахманова Г.Ф. (2016). Об особенностях этнической идентичности татар // Историческая этнология. Том 1. № 1. С. 27-38.

Маркварт Э.Э. (2016). Российское местное самоуправление перед главными вызовами современности // Российский экономический журнал. № 6. С. 3-17.

Моляренко О.А. (2016). Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 120-133.

Стародубровская И., Миронова Н. (2010). Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / Научные труды. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. — 116 с.

Сумская Т.В. (2016). Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / Ред. С.А. Суспицын. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. — 212 с.

Фадеева О.П. (2003). Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е. Гл. 12. С. 222-252.

Фадеева О.П. (2016). Реалии сельского самоуправления: реформы и их последствия // Регион: экономика и социология. № 4. С. 267-289.

Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. (2018). Вертикали и горизонтали сельского Татарстана // ЭКО. № 1. С. 101-118.

Хакимов Р.С. (2016). Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. Том 1. № 2. С. 242-252.

“Regional dirigisme” and rural self-organization in Tatarstan

Olga Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru.

Vladimir Nefedkin, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: vladnn57@gmail.com.

The article considers a wide range of issues of functioning and development of rural settlements under the permanent reduction of powers and financial independence of local self-government. Based on the data of the sociological expedition to five municipal districts of the Republic of Tatarstan, the authors show that regional and municipal authorities aim at developing self-organization of local population, which allows to partially offset negative consequences of unitary trends and to expand the possibilities of rural development. The article identifies reasons for the relative failure of regional authorities attempts to create large vertically integrated agricultural holdings in Tatarstan, and features of the large enterprises (former state farms and collective farms) participation in supporting livelihoods and development of rural settlements. Such participation consists of a set of reciprocal, patron-client and market interactions, the ratio between which depends on the specific local historical and ethnocultural context. The authors conclude that even in adverse external conditions the system of rural self-government is capable of initiating self-organization of local communities and of performing functions of a development institution. Thus, the diversity of economic and social practices determined by ethnocultural and religious peculiarities contributes to the ac-

cumulation of symbolic, social and cultural capital of rural communities and to its conversion to economic capital, and activates rural-urban exchanges that compensate for the limited resources of rural development.

Key words: Tatarstan, rural settlement, local practice, self-organization, self-government, dirigisme.

References

Barsukova S.Yu. (2004) Retsiproknye vzaimodeystviya: sushchnost, funktsii, spetsifika [Reciprocal interactions: essence, functions, specificity]. Sotsiologicheskiye issledovaniya no 9, pp. 20-29.

Gabdrakhmanova G.F. (2016) Ob osobennostyah etnicheskoy identichnosti tatar [On the features of the ethnic identity of the Tatars]. *Istoricheskaya etnologiya,* vol. 1, no 1, pp. 27-38.

Markvart E.E. (2016) Rossiyskoe mestnoe samoupravleniye pered glavnymi vyzovami sovremennosti [Russian local government in the face of key challenges of our time]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal,* no 6, pp. 3-17.

Molyarenko O.A. (2016) Tenevoye gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye [Shadow state and municipal administration]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 120-133.

Starodubrovskaya I., Mironova N. (2010) Problemy selskogo razvitiya v usloviyah munitsipalnoy reformy v Rossii [Challenges of rural development under the municipal reform in Russia]. *Nauchnyye trudy,* Moscow: In-t ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara.

Sumskaya T.V. (2016) *Mestnoye samoupravleniye: evolyutsiya byudzhetnoy politiki* [Local Government: Evolution of Budget Policy]. Red. S.A. Suspitsyn, Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN.

Fadeeva O.P. (2003) Selskiy trud: simbioz formalnogo i neformalnogo [Rural labor: a symbiosis of formal and informal]. *Rossiya, kotoruyu my obretayem: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly.* Otv. red. T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina, Novosibirsk: Nauka, chapter 12, pp. 222-252.

Fadeeva O.P. (2016) Realii selskogo samoupravleniya: reformy i ih posledstviya [Realities of rural self-government: reforms and their consequences]. *Region: ekonomika i sotsiologiya,* no 4, pp. 267-289.

Fadeeva O.P., Nefedkin V.I. (2018) Vertikali i gorizontali selskogo Tatarstana [Verticals and horizontals of rural Tatarstan]. *EKO*, no 1, pp. 101-118.

Khakimov R.S. (2016) Tatarskaya identichnost: sostoyaniye i perspektivy [The Tatar identity: state and prospects]. *Istoricheskaya etnologiya,* vol. 1, no 2, pp. 242-252.